

НАШИ МНЕНИЯ

МОГУТ РАСХОДИТЬСЯ,

НО ЭТО ЕЩЕ НЕ ПОВОД ДЛЯ ВОЙНЫ, — СЧИТАЛ ТУРГЕНЕВ

1899 — 1998 — 5 нояб. — с. 5

9 ноября исполняется 180 лет со дня рождения великого писателя. Мы, однако, не будем говорить о его романах и повестях. И не потому, что их художественные достоинства потускнели, а актуальность поугасла. Отнюдь. Просто по случаю юбилея заглянем в тот уголок творческого наследия великого писателя, который традиционно остается в относительной тени. Но сегодня было бы, думается, небесполезно вспомнить о нем.

Я говорю о письмах Тургенева. Их — огромное множество, без малого двадцать томов, что в полтора раза превышает все написанное им в разных литературных жанрах.

Оставим в стороне интимные послания (только Полине Виардо адресовано около трехсот писем), сосредоточимся на переписке с литераторами, среди которых были Толстой и Достоевский, Некрасов и Фет, Герцен и Белинский... А также Флобер, Золя, Жорж Санд, Мопассан и многие другие. Тургенев был своеобразным связующим звеном между русской и европейской культурами, и то, что наша литература получила на Западе такое мощное и быстрое признание, — во многом заслуга Ивана Сергеевича.

Но это — факт общеизвестный, я же, листая томики тургеневских писем, обратил внимание на то, что адресаты их были людьми не просто разными, но подчас — антагонистами по своим убеждениям. И что с того! «Мы во многих вопросах с разных точек зрения на вещи — да и натуры наши различные — но так как мы оба, по мере возможности, честны и искренни в своих стремлениях, то самая эта честность сближает нас даже ли не более, чем однообразие воззрений».

Однообразие воззрений... Чего-чего, а вот уж его у нас сегодня, слава Богу, нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно включить телевизор или полистать газеты. Нынешняя политическая ситуация в России с ее разбросом мнений едва ли не по каждому сколько-нибудь значительному вопросу, с острейшей публичной полемикой, с активным, а зачастую агрессивным неприятием точки зрения своих оппонентов — все это на Руси не вновь.

Во времена Тургенева идейная борьба была столь же неистовой. С одной стороны — западники, то есть люди, ориентирующиеся на европейскую модель общественно-государственного устройства, с другой — так называемые славянофилы, отстаивающие сугубо российский путь развития. Это, вообще-то говоря, — наш известный спор, который разгорелся сейчас с новой силой. Вот разве что воюют не столько литераторы, сколько политики и экономисты. Многие из них, впрочем, полисывают книжечки, причем получают за свой литературный труд гонорары, которые не снились нашим классикам.

Но вернемся к письмам Тургенева. Они адресованы не только людям разной идейной ориентации: убежденному западнику Герцену и ярому славянофилу Ивану Аксакову, либералу Салтыкову-Щедрину и консерватору («милейший консерватор» называет его Тургенев) А. Дружинину, но и тем, с кем Иван Сергеевич, случалось, жестоко и надолго ссорился: Толстому, Достоевскому, Гончарову... И письма эти, все без исключения, исполнены такого благородства, такого уважения к личности адресата, каковые не встретишь ныне даже в общении единомышленников. «Коли вы консерватор, не будьте же нетерпимы», — уверяет он того же Дружинина. И сам, хоть и не консерватор, а либерал, западник, неукошенительно следует этому правилу — правилу честных и благородных людей, какие бы взгляды они ни исповедовали. «Я оскорбляюсь весьма нелегко», — делится он с Писаревым в ответ на жестокую критику его последнего романа. Столь жестокую, что Писарев не уверен даже, способен ли

маститый писатель «выслушивать такие мнения без раздражения и огорчения». Способен, еще как способен! А ведь в нелюбимом послании Писарева речь идет не столько о художественных достоинствах произведения, сколько о заветных убеждениях автора.

«Наши мнения могут во многом расходиться», — спокойно констатирует создатель «Отцов и детей», но это уже в другом письме, адресованном им его полному тезке Ивану Сергеевичу Аксакову. Для Тургенева этот факт — что мнения могут расходиться, — не только не повод для вражды, но, напротив, обстоятельство, стимулирующее общение, вызывающее дополнительный интерес к человеку, который смотрит на вещи иначе, нежели он сам. Этот отличный от его собственного взгляд на важнейшие вопросы жизнеустройства его ничуть не раздражает. Больше того. Когда власти накладывают запрет на выход акасовской газеты, Тургенев высказывает по этому поводу горячее сожаление. И это не беспринципность, отнюдь. Говоря об одном своем давнем и последовательном оппоненте, Тургенев замечает: «Мы сходимся с ним в воззрениях на наш народ — но выводы у нас различные».

Воззрения автора «Записок охотника» на свой народ широко известны. Как раз он, народ, и есть тот фундамент, на котором строятся все идеологические построения как самого Тургенева

К 180-летию со дня рождения Ивана Сергеевича

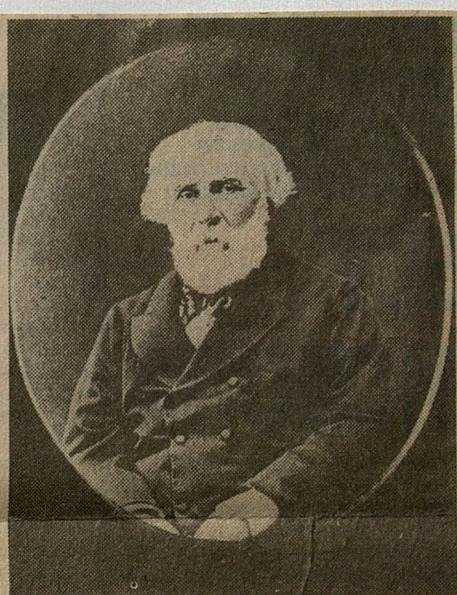
ва, так и тех, кто противостоял ему. У нас же этот фундамент, изрядно подорванный, — сам по себе, а политические и экономические дискуссии — сами по себе, повисли в воздухе. Не оттого ли такая нетерпимость к другому мнению, такая беспардонность суждений, а то и откровенное хамство? Мы с гордостью говорим об обретенной наконец свободе, но меня, признаюсь, эта пресловутая свобода подчас пугает. Я бы сравнил ее со свободой владения оружием — при отсутствии всяческих сдерживающих начал. Точно ребенку либо невменяемому человеку сулили пистолет, и он палит из него куда попало.

Я не идеализирую ни XIX век, ни нашего сегодняшнего юбиляра. Он тоже был человеком горячим — горячим настолько, что подчас дело могло дойти до пистолетов, уже не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Так, одна из ссор со Львом Толстым едва не закончилась дуэлью.

«Происшедшее сегодня поутру, — писал Иван Сергеевич Льву Николаевичу, — доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противоположными натурами, каковы Ваша и моя, — не могут привести ни к чему хорошему». Но это не помешало умирающему Тургеневу, из последних сил сжимая карандаш, написать в Ясную Поляну: «Милый и дорогой Лев Николаевич! Долго Вам не писал, ибо был и емь, говоря прямо, на смертном одре. Выздоровев я не могу, и думать об этом нечего. Пишу же Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником...»

Боюсь, что мы этот великий дар — дар ощущать себя современниками людей, живущих с нами бок о бок, — утратили наचितо. Не отсюда ли и все наши беды?

Руслан КИРЕЕВ.

ПОДАРОК ПИСАТЕЛЯ

Однажды у своего знакомого я увидел на стене большой фотопортрет в темно-коричневой раме. Из овала смотрел Тургенев. Серебристые волосы, непокорная прядь падает на изрезанный морщинами лоб, крупный нос, аккуратно подстриженная белая борода и проникновенные, добрые, страдающие глаза...

— Откуда у вас этот портрет? — воскликнул я.

— Наследство матушки, — ответила старушка, родственница моего знакомого.

— А к матушке вашей как портрет попал?

— От ее тетушки Екатерины Семеновны Офросимовой. Вот ей портрет подарил Тургенев.

Усадьба Офросимовых была неподалеку от имения писателя в Орловской губернии. Муж Екатерины Семеновны принимал деятельное участие в освобождении крестьян в 1861 году.

— И дарственная надпись на обороте была, но мы ее отрезали, чтобы подогнать прямоугольную фотографию к раме, — добавила старушка. Больше она ничего не могла вспомнить.

Я решил показать портрет сотрудникам Литературного музея, где хранятся десятки фотографий Тургенева.

— Редкая поясная фотография великого писателя, — сказала хранительница избранных фондов второй половины XIX века. — У нас такой нет. Хотелось бы приобрести... В Пушкинском доме есть единственный, но гораздо меньший, погрудный отпечаток на стекле с того же негатива...

Когда была сделана фотография?

В 1879 году Тургенев приехал из Парижа, где часто зимовал, в Москву. Он публично читал «Записки охотника», слушатели, особенно студенты, рукоплескали ему. По утрам в доме толпились посетители — молодежь, актеры, живописцы. Адреса, венки, речи, автографы — без конца.

В следующем 1880 году на открытии памятника Пушкину на Тверском бульваре Тургенев выступил с яркой речью. Возложил венок. На празднествах, превратившихся в чествование Пушкина и Тургенева, фотограф М. Панов и сделал найденный мной снимок.

Я долго разыскивал в Российской государственной библиотеке публикацию неожиданно найденной фотографии. Может быть, мне не повезло: не обнаружил полноценного воспроизведения снимка ни в старых, ни в новых изданиях. Так что «Труд», скорее всего, первым публикует фоторепродукцию с этого портрета.

Михаил ИСКРИН.